

Александр В. ДОРОШЕНКО

«Это школа, вам говорят!»

Школу свою, куда ходил ровно десять лет, я, за немногими вычетами, ненавидел, и это сильно способствовало моему интеллектуальному развитию. Школа почему-то была ведомственной и входила в систему железнодорожных школ. Эта система имела и свою железнодорожную поликлинику, куда нас гоняли на всякие проверки. Всего в Городе таких школ было четыре, а наша была вторым номером. Детей, впрочем, как и во все остальные школы, в эти набирали также по месту жительства. Мой путь в школу лежал от пожарной части на Михайловской, вверх по Дальницкой, через Степовую и далее по левой стороне Прохоровской. Обратный путь иногда я проходил иначе, сворачивая у Степовой и идя через Зеленый садик, путь этот был длиннее, и я шел им в дни невзгод и печалей, оттягивая приход в дом, да и участок пути от Прохоровской вправо, к Комитетской, своей безрадостностью обострял печаль и растревлял раны. Так я ходил ровно десять лет.

У нас все было похожим, как на полотно Ладыженского: кафельная высокая печь на первом этаже, узкая лестница с обшитыми деревом перилами (мы лихо по ним съезжали), такая же одинаково сиротская цветочная гамма одежды. В центре ребята играют в "отмерного", мы точно так же играли, только на школьном дворе. Точно так же и у нас учителя в основном были из женщин.

В школе было несколько настоящих учителей и среди них математик, Владимир Юрьевич Воскобойников. Высокий и очень грузный, но как-то основательностью, а не толщиной была в нем эта грузность, две пары очков были в его карманах, и он поочередно менял их, работая у доски (и еще огромный белый платок всегда выглядывал кончиком из его кармана, он, вытащив его, протирал очки, я таким увидел Паваротти, такого же масштабом, неторопливостью, уверенностью и основательностью. Но Владимира Юрьевича выгодно отличал бас). Кличкой ему, как и всем, хоть что-то собой представлявшим учителей, была "Лысый". Только уж совсем безликие учителя не имели кличек, а клички эти передавались по наследству в поколениях школьников. Удивительно, в этой школе, где мало кого боялись и уж совсем исключительно кого любили, к нему все и всегда, во всех классах и школьных поколениях, относились с уважением. Голос у него был бесподобный, глубокий, многомерный, многослойный, редко так полно голос соответствует человеку. Много лет как его нет на земле, но, закрыв глаза, я вижу его входящим в класс (вначале в открытой двери появлялась его пуговица, передняя на пиджаке, потом он постепенно входил, легко неся грузное свое тело, но впереди него шел и заполнял все имевшееся пространство его голос — он никогда не повышал его, никогда, сколько помню, не опускался до крика, но в голосе этом была страшная магия — и мы, дети Молдаванки, становились серьезны и сосредоточены!).

Даже не предметом, который читал великолепно, ...но своей личностью он нам, мальчишкам и девчонкам, демонстрировал, чем является, каким

должен быть мир достойных людей. Он, Владимир Юрьевич Воскобойников, был для нас воплощением и наглядным примером достоинства человека... и остался таким навсегда. ...И легионы встреченных на жизненном пути шавок этот взгляд на человека уже изменить не смогли. ...Он один был для нас Университет...

И еще помню астронома. Тут в девятом, что ли, классе, факультативно, то есть без грозящих экзаменов, ввели у нас астрономию, и пришел на урок сухощавый и невысокий старик лет даже под восемьдесят, глухой совершенно. И встав у доски, начал говорить о своих путешествиях. В классе даже не шум стоял, просто радостный стон. Я мало и плохо помню, что говорил он, помню его лицо, и вот еще, впервые в жизни я видел стоячий воротничок рубашки и в нем галстук (не галстук, нет!), но, и я это сразу понял, небываемый теперь галстук, старорежимный. Я потом много видел на старых фотографиях, у Чехова, например. Он так до революции в университет или академию приходил, молодым и красивым, а то, что красивым, это и теперь, в старости его, было очевидно вполне. Какой радостью он оказался для нашего убойного класса! И кому-то, мешающему мне слушать, я дал подзатыльник. Так на перемене, где мы продолжали веселиться, в коридоре школьном, он именно ко мне подошел и именно мне вдруг сказал об этом подзатыльнике: "Вот от Вас я этого никак не ожидал!". И пошел в учительскую. Он видел меня впервые, это был первый и единственный урок астрономии у нас, дальше старик заболел, я знаю, интересовался, и все его сразу же позабыли. Я помню всю жизнь, он был мне учителем и в этой поганой школе многое для меня сделал. Имени его никогда я не знал, мне завуч рассказал, что был он известным еще до революции путешественником и ученым.

Какой красивый был старик. И завуча тоже помню. Без имени, только отчество — Арнольдович (имя подходит Леопольд, или Леонид, нет, не помню). Он был горбун. И был добрым, хоть по роду службы, по своему в школе положению, чувствовал себя в необходимости быть строгим и часто рычал на нас за многочисленные наши проказы. Сейчас вспомнил — был он историк. Я запомнил некоторые его уроки истории и, может быть, привязанность моя детская к истории в его нескольких уроках получила необходимое подкрепление и сохранилась во мне. Школьная кличка ему, естественно, была "Горбатый". Я проверял воспоминания соучеников разных лет — нет ничего прочнее ребятами данной клички, она коцует из поколения в поколение школьников. Злости в этой кличке не было, просто ребята схватывают самое характерное в образе и закрепляют в кличке. (Нашу географичку, худую, востроносую и недобрую, вообще не помню как звали, только кличку "Макенза", это от Александра Македонского произошло, и мой отец, постоянно слыша это имя дома, как-то, придя по ее вызову в школу, так и спросил в учительской, Македонскую, что мне, конечно, всесторонне зачлось.) Помню занятия во вто-

Ефим Бенционович Ладыженский. Большая перемена

рой смене (было так, нехватка помещений школьных рождала двухсменку, и в разных классах я попадал в разные смены), вечерело, и в коридоре нашем, длинном школьном коридоре (даже помню и этаж, он был второй), погас свет. Шум был страшный, лично я восторженно орал во все горло — "Горбатый", и тут зажгли свет, а он стоит рядом со мной. Сейчас с благодарностью помню, он ничего плохого не предпринял. И до сего дня, вспоминая, испытываю стыд от этого своего крика.

Отвлекусь: слово "вечерело" мне сегодня если и говорит о чем-то, то о времени дня, о предстоящем ужине... Но вот сейчас, написав это слово, там, выше, говоря о школьном коридоре, я вспомнил. Выйдя потом из ворот школы, по пути домой я видел этот вечер и запомнил его: крыши домов, силуэты труб, врезанных в эти крыши или кирпичной пристройкой вырастающие из боковых стен домов, на карнизе осторожную кошку, танец ветвей и листьев и над ними пронзительной нежности вечернюю тень, сгущающуюся постепенно, миллионами полутонов, и в каждом был отблеск счастья жить, которому во все тысячи следующих вечеров моей, оказавшейся длинной, жизни, подобного я не упомяну.

*"На бледно-голубой эмали,
какая мыслима в апреле,
Деревья ветви поднимали
И незаметно вечерели..."*

Осип Мандельштам. 1909

Но можно и так:

*"На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна
дом мой освещала*

*И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала..."*

Гавриил Державин
Видение мурзы. 1783-1784

Нет слов и нет способа этим поделиться. У меня — нет. И у вас — нет. Вот у них был! Так может быть только в детстве. Может быть, животные наши, собаки и кошки, может быть, им, лишенным языка, даровано это чувство ощущения жизни много чаще, но главное чаще, чем нам, во всю их жизнь? Но тогда смысл нашей убогой и их счастливой жизни несопоставимы. Может быть, это мы сами променяли когда-то, бесчисленно давно, счастье первородства на чечевичную похлебку разума?

Так вот, в последнем классе, летом, видимо, перед экзаменами, мы гоняли в баскетбол (почему-то в обширном нашем школьном дворе было только одно кольцо и все перемены старших классов мы там гоняли мяч). Мы в этот день с утра уже успели побывать в Отраде (это такой, лучший, пожалуй, и самый протяженный городской пляж) и там на песке стянули у киношников одну дымовую шашку. А в конце двора у нас был дворовый туалет, именно мужской. Мы туда положили шашку эту и подожгли ее, а сами занялись мячом. Мелюзгу школьную, впрочем, отслеживали, в туалет не пуская. Помню, его, туалет, только что побелили, что делали в то время ежегодно и, надо полагать, сияющая его белизна и надумила нас именно там расположить шашку. В этот момент с улицы в школьные ворота вошел наш Арнольдович. Был он в белом парусинном костюме (в те бедные времена модными были такие костюмы из парусины) и даже обувь его тоже

сияла белизной парусиновой. А из туалета уже всюду валил густой дым. Туалет был у нас за спиной, мы вроде его не замечали, а завуч перед нами. Вдруг он бегом бросился мимо нас к туалету этому и вбежал в него. Только тут мы сообразили — он решил, что там могут быть дети. Мы все вымахали в рост, он теперь, гроза школы, был совсем маленьким перед нами. Когда он вышел из туалета (там никого не было, мы следили за этим) костюм его, да весь он, от подошвы своих маленьких трогательных туфель и до макушки, был черен, как Отелло, и так же, как Отелло, потрясен. Мы тихо свернули игру и так же тихо ушли в школу, уж не помню, чем там заниматься. Мы не стали обсуждать это дело, ни горевать, ни смеяться, мы исключили его из своей памяти.

Стыдно мне за то, что не подошел извиниться перед ним, и сейчас.

А в коридорах, пронизывающих все школьное здание, стояли печи. Были они чугунные, круглой формы, в нижней части они расширялись, и там была устроена топка, и в самом верху они расширялись вновь, уже декоративно, с зубчатой-коронным узором. Помню себя за что-то выгнанным из класса, пустой коридор, голоса учителей, доносящиеся из-за закрытых дверей, кричащие визгливые женские и неторопливо-спокойные мужские, я стою, грея руки о печь, а за окнами медленно опускается крупный елочный снег.

Значит, была зима, вскоре должен был прийти Новый год (это тоже сохранилось в памяти, что сцена эта до, а не после Нового года, но вовсе не датой, я не запоминаю дат вообще, это сохранилось ощущением предстоящего праздника).

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
ТИА «Вікна-Одеса», тел. 77-33-705.

Регистрационное свидетельство
N 508. Тираж 1000. Заказ N _____
газета отпечатана в типографии «СІС».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 724-01-35.
www.odessitclub.org.